

С. Л. Шпарло

Историко-культурное наследие: эволюция дефиниции и содержания

Анализируются изменения представлений о культурном наследии, происходящие под влиянием развития музеологического знания. Рассматриваются аксиологическая сущность понятия «историко-культурное наследие», а также этапы эволюции дефиниций «памятник – памятник старины – памятник истории и культуры – историко-культурное наследие».

Понятие «историко-культурное наследие» широко используется в европейской музейной практике и музеологической теории в последние десятилетия XX в. Прежде всего это связано с развитием музеологической науки, которая использует современные философские и культурологические теории: структурализм, обусловивший возникновение направления «новая музеология»; коммуникационный подход, повлиявший на теорию музейной коммуникации; постмодернизм, определивший развитие критической музеологии. Данные направления разрабатывались такими представителями западноевропейской и североамериканской школ музеологии, как Ж. А. Ривьер, Ю. де Варин, У. Уошборн, Д. Кинард, М. Маклюэн, Д. Камерон, и нашли отражение в определении содержания понятия «наследие» А. Девалье и Ф. Мерессом в словаре «Ключевые понятия музеологии» (2010).

Методологическую основу данной статьи составили выводы М. С. Кагана о музее как о культурной форме и одной из подсистем культуры, сходной по содержанию со всей системой [7, с. 446]. В дальнейшем на развитие данного положения оказали влияние холистические подходы, которые способствовали «смещению акцентов с институционального измерения музейного феномена в сторону более широкого понятия “наследие”, которое также начинает определяться как культурная форма» [4, с. 232]. Это позволяет, с одной стороны, рассматривать музей, призванный сохранять, собирать и изучать движимое наследие как составную часть историко-культурного наследия. С другой – использовать результаты исследований в области культурологии, истории, теории и практики музейного дела как основу для всестороннего изучения феномена «историко-культурное наследие».

Всесторонний и глубокий анализ развития зарубежной музеологической теории и становления понятия «историко-культурное наследие» содержится в монографии и докторской диссертации В. Г. Ананьева, а также в ряде его статей. Отдельные аспекты темы отражены в работах Т. В. Вавилонской, И. А. Куклиновой, А. А. Маринич, в диссертациях и статьях отечественных музееведов И. И. Бомбешко, Д. В. Герасименка,

Е. А. Ковалева, С. К. Канановіч, Н. А. Почобут, П. А. Королева, Т. А. Джумантаевой и др.

В словаре «Ключевые понятия музеологии» утверждается, что самое раннее употребление понятия «культурное наследие» относится к концу XVII в., а точнее к 1690 г. Его автором является известный физик и математик Г. В. Лейбниц [8, с. 59]. Затем оно исчезает из употребления, вплоть до Французской революции, когда «термин “наследие” начинает обретать современное значение» [9, с. 15]. Данная ситуация рассматривается в музеологии как *первый этап* в истории формирования этого понятия. Согласно исследованию И. А. Куклиновой, понятия «наследие» и «памятник» построены на французских источниках. Перед Великой французской революцией представление о ценности для общества распространялось только на реликвии, освященные церковью, и коронационные регалии французских королей. Об этом свидетельствуют используемые исследователем малоизвестные факты разрушения таких королевских резиденций, как Булонь и Ла-Мюэтт, которые с ведома короля были проданы на кирпич. В то же время среди образованных слоев общества возникло движение за создание списка археологических и художественных памятников Франции, было подготовлено и опубликовано пятитомное издание «Памятники французской монархии» (1729). Согласимся с замечанием автора, что в то время больше ценилось знание о памятнике, чем его сохранение [Там же, с. 16].

В годы Французской революции разрушение памятников культуры имело варварский характер и привело к безвозвратной потере многих из них. Идея о необходимости сохранения памятников базировалась на единственном критерии «возможного их использования в образовательных целях» [Там же, с. 17]. На протяжении 1790–1793 гг. в результате сложной и трудной работы по составлению Списка памятников науки и искусства и их национализации удалось собрать богатейший материал и в августе – сентябре 1793 г. открыть публичный музей французских памятников. Его можно рассматривать как «первый в истории французского музейного дела специализированный исторический музей» [Там же, с. 19], экспонаты которого, в первую очередь средневековая скульптура, должны были иллюстрировать национальную историю. Музей просуществовал до 24 апреля 1816 г., когда он по приказу Людовика XVIII был закрыт, а все национализированные памятники возвращены владельцам. Так завершился первый этап формирования понятия «наследие».

Второй этап, согласно упомянутому выше словарю, хронологически охватывает начало XIX – первую четверть XX в. Непосредственное влияние на этот процесс оказали идеалы эстетики, формировавшиеся в период перехода от Просвещения к романтизму, а также идеи эволюционного развития, проявившиеся в таких проектах, как музейная модер-

низация и историческая музеология. Движение за сохранение наследия характеризовалось постепенной институционализацией, которая нашла отражение в различных формах и терминах.

Исходным звеном цепочки взаимосвязанных понятий «памятники истории и культуры», «историко-культурное наследие», «культурное наследие» можно считать слово «памятник». Оно стало употребляться на рубеже XVIII–XIX вв., причем, по мнению исследователей, интерес государства и интеллектуальных кругов общества вызывали памятники-подлинники, то есть те, которые отражали конкретный исторический факт, а не памятники-символы, которые увековечивали память о ком-либо или о чем-либо [10, с. 129]. Наиболее детально понятие «памятник» раскрыл австрийский историк и искусствовед А. Ригль, выделив три их категории: памятники по своему смыслу, которые задумывались для почитания памяти определенного события или их совокупности; исторические, выбранные из субъективных представлений, и античные или древние памятники в полном объеме, независимо от предполагаемой творцом (создателем) цели [8, с. 60]. Вполне очевидно, что две последние категории соответствуют современному понятию «материальное (недвижимое) историко-культурное наследие».

На протяжении XIX – начала XX в., когда происходили процессы становления музейного дела, понятие «памятник» уточнялось, наполнялось дополнительным смыслом. В научном обиходе появились дефиниции «археологические древности», или «древности» (к примеру Виленский музей древностей), «памятники древности», «исторические древности», «памятники старины», или «старина», «исторические достопримечательности» и др. Содержательная сущность их постоянно расширялась, включая не только археологические памятники, но и иные виды: произведения живописи, старинные книги, предметы декоративно-прикладного искусства и т. д.

Постепенно от теоретических поисков научные сообщества и заинтересованные лица приходили к пониманию необходимости практической деятельности по охране памятников. Согласно данным А. Б. Шухободского, первое упоминание об охране памятников старины имеется в законе государственного совета Швеции (1666), а в первой половине XIX в. уже во многих европейских странах (Дания, Франция, Бельгия и др.) рассматривались вопросы охраны памятников старины, в Великобритании эта проблема актуализировалась в конце XIX в. [12].

В Российской империи происходил аналогичный процесс, начало которому было положено Указами Петра I в 1718–1722 гг. В 1826 г. был издан циркуляр об охране «древних замков, крепостей и других зданий древности»¹. На протяжении XIX в. общественное мнение России актив-

¹ Жуков Ю. Н. Сохраненные революцией. – М. : Московский рабочий. – 1985. – 207 с.

но поддерживало идеи энтузиастов об изучении старины, стремление к накоплению артефактов, их публичной презентации. Вторая половина XIX в. ознаменовалась активизацией движения, получившего название «музейный век» в России. Проблема охраны памятников активно обсуждалась на археологических съездах, первый из которых состоялся в 1869 г., последний (пятнадцатый) – в 1911 г., а также в периодической печати (например, в журнале «Старые годы», редактором-издателем которого был П. П. Вейнер). С участием широкого круга заинтересованных лиц разрабатывался проект Закона об охране памятников, который в 1914 г. должен был поступить в Государственную думу.

Первая мировая война прервала это движение, но после Февральской революции оно активизировалось. К сожалению, вопрос о развитии музееведческой теории и практики в России и Беларуси пока глубоко и всесторонне не изучен, но тем не менее многие деятели музееведческого движения известны. К ним можно отнести членов Румянцевского кружка, создателей Исторического музея, многих провинциальных музеев (в том числе Т. Зана, братьев К. и Е. Тышкевичей), известных археологов, коллекционеров, меценатов. В начале XX в. в число подвижников музейного дела и охраны памятников старины входили известные археологи М. И. Ростовцев, А. А. Миллер и др.

В марте 1917 г. в Петрограде работало совещание по проблеме охраны памятников. Были созданы комиссии, прочитаны доклады, одним из важных стал доклад А. А. Миллера «Очерк истории охраны памятников старины и древностей в России», дополненный докладом о зарубежном опыте. Интересные предложения о взаимодействии специалистов в области охраны памятников с государственными органами содержались в докладе П. П. Вейнера. Он предложил общую типологию архитектурных (недвижимых) памятников, включающую части городов, дворцовые поселения и усадьбы, площади и улицы с архитектурными ансамблями, имеющие особую ценность здания и т. д. В значительной степени предложенная система совпадает с современной классификацией. Оценивая идеи, прозвучавшие на совещании, В. Г. Ананьев отметил, что в них отразилось понимание особого культурного значения коллекций, которые превосходят простую сумму значения входящих в них предметов [3, с. 56].

Советский период истории привнес свои особенности в процесс дальнейшего уточнения сложившихся традиционных понятий, связанных с историей и культурой. Наиболее часто в декретах Советской власти употреблялись термины «памятник старины и искусства», «памятники революции, социалистического строительства и труда» и т. д. Большевицкое руководство страны не отрицало необходимости охраны памятников истории и культуры. Об этом было заявлено на I Всероссийской конференции по делам музеев в феврале 1919 г., а усло-

вием этого должен стать союз политической власти и компетентных сил (то есть специалистов).

Таким образом, на протяжении второго этапа (начало XIX – 20-е гг. XX в.) становление теории и практики музейного дела и тесно связанной с ним охраны исторических и культурных памятников достигло больших успехов как в институционализации, так и в разработке терминологии и определении закономерностей развития.

Третий период эволюции понятия «наследие», по мнению И. А. Кулиновой, охватывает 1930-е гг. – 1945 г. [9, с. 15]. В интересующей нас области происходил процесс накопления и усложнения знания, были реализованы первые международные проекты, в том числе созданы журнал «Мусейон», Международное бюро музеев (1926). В 1931 г. в Афинах на съезде специалистов в области охраны памятников была принята хартия, в которой впервые зафиксирован термин «всемирное наследие». После окончания Второй мировой войны был создан Международный совет музеев (ИКОМ, 1946), в 1965 г. – Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). У его основания «...стояла духовная элита Европы, <...> Исторически наследием всегда занимались люди высочайшей духовной организации, как это было во Франции, Италии, Англии, России в XVIII – начале XX в. Сейчас ситуация сильно изменилась, устойчивые позиции в деле сохранения наследия все более занимают коммерция и бизнес» [6]. На II Конгрессе архитекторов и специалистов по охране исторических памятников, состоявшемся в Венеции, была ратифицирована Венецианская хартия, в которой представлены стандарты в области охраны и реставрации памятников и требования по их соблюдению. Как и в Афинской хартии, в ней также отражена концепция о памятниках как о всемирном общечеловеческом наследии.

Но на практике в СССР, а соответственно и БССР, продолжал использоваться подход, приводивший к пониманию совокупности памятников не как наследия (регионального, национального, всемирного значения), а как объектов, которые увековечивают память о конкретных событиях (так называемый памятниковый подход) [10, с. 124]. Это прослеживается в постановлениях Совета Министров СССР и БССР: «О мерах улучшения охраны памятников культуры» (1948 и 1949), «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории, искусства и архитектуры в Белорусской ССР» (1967), Законе Белорусской ССР «Об охране памятников культуры» (1969), Законе Белорусской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1978).

Как своеобразный рубеж *третьего и четвертого этапов* в области охраны всемирного и культурного наследия, на наш взгляд, можно рассматривать «Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия». В ней определены базовые конструкторы данного понятия.

тия: памятники (движимые и недвижимые), ансамбли (изолированные или объединенные), достопримечательные места; природные места как творения человека или человека и природы. В Конвенции зафиксирована главная категория всемирного наследия – ценность (универсальная, культурная).

Постепенно границы представлений о «наследии» расширились и стали включать достижения человечества во все более широких областях: фольклорные, научные, индустриальные и т. д. С развитием такого течения, как экомузей, стал проявляться интерес к «таким феноменам нематериального культурного наследия, как коллективная память, традиционные навыки, умения, праздники, говоры» [8, с. 61–62]. В результате в научную и практическую жизнь вошло понятие «нематериальное культурное наследие».

Итак, в 1960–1970-е гг., пройдя долгую эволюцию, понятие «наследие» окончательно закрепилось в международных документах. В основу был положен национальный опыт. В 1930-е гг. процесс использования понятия «наследие» начался в романоязычных, с 1950-х гг. – в англоязычных странах [Там же, с. 59]. Этому способствовало также окончательное размежевание термина «наследие» с юридическим понятием «наследство».

В странах восточного блока одним из условий возникновения и закрепления понятия «наследие» стало возрождение в 1970-х гг. аксиологического подхода к пониманию культуры в целом. Он позволил философам и культурологам (М. С. Кагану и др.) рассматривать культуру как систему материальных и духовных ценностей, созданных предыдущими поколениями [7, с. 453]. Осознание человечеством непреходящего значения разнообразных свидетельств материальной и духовной культуры каждой нации и этноса позволило признать их значимость и рассматривать их как наследие, полученное от прошлого, которое необходимо документировать, изучать, охранять, транслировать. Т. В. Вавилонская и другие исследователи в области архитектуры считают, что термин «наследие» в широком смысле начал применяться в научном и практическом обороте с 1980-х гг., и оформился на основе дефиниции «архитектурное наследство» [5, с. 90].

Начало *четвертого этапа* в изучении наследия зарубежные музеологи относят к 1980-м гг. [4, с. 233]. В данной статье мы не имеем возможности раскрыть причины этого, отметим только, что период характеризуется возникновением различных подходов в области музейного дела и охраны историко-культурного наследия, что связано с ситуацией постмодерна, мультикультурализма и текучей современности [2, с. 35].

Суверенная Республика Беларусь присоединилась к перечисленным выше международным документам в области охраны культурного наследия. Логичным завершением этого процесса стала разработка Закона «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь». Но

с его принятием в 1992 г. не разрешились ни теоретические, ни практические проблемы, наоборот, в некоторой степени они усложнились. К примеру, в Законе вводилась категория «историко-культурная ценность» вместо используемой ранее «памятник», и некоторое время известные объекты историко-культурного наследия именовались весьма оригинально: историко-культурная ценность XIX в., Гомельский дворцово-парковый комплекс, дворец Паскевича, г. Гомель и т. д. В нормативно-правовых актах, которые издавались на протяжении 10 лет после выхода Закона, содержались разные трактовки дефиниции «историко-культурное наследие», «историко-культурная ценность». На практике в большинстве случаев использовалось устоявшееся понятие «памятники истории и культуры» [11, с. 14]. В 2006 г. была принята новая редакция Закона.

Современный этап развития законодательства в области культуры ознаменовался разработкой комплексного юридического документа – Кодекса Республики Беларусь о культуре, который вступил в действие в феврале 2017 г. В статье 82 Кодекса дается определение историко-культурного наследия как «совокупности наиболее отличительных итогов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях» [1]. Здесь же приводится определение такой базовой категории, как историко-культурная ценность. Этим понятием обозначены предметы материального и духовного мира, имеющие в представлении общества культурную значимость. Обладая архитектурной, художественной, мемориальной, научной духовной ценностью, они составляют культурное наследие страны.

Таким образом, изложенный материал, на наш взгляд, позволяет получить представление об основных этапах эволюции понятия «историко-культурное наследие». Очевидно, что понимание ценности (не только материальной, а в первую очередь духовной) возникло в глубокой древности, что способствовало сохранению шедевров художественного творчества. Потомки не узнали бы о семи чудесах света, как их представляли древние греки и древние римляне, о духовных ценностях раннего Средневековья, о достижениях человеческого гения эпохи Возрождения. Поэтому изучение накопленного опыта, направлений и результатов деятельности как отдельных представителей научного сообщества, так и учреждений, обеспечивающих охрану мирового наследия (материального в форме недвижимого, движимого и нематериального), является актуальной исследовательской задачей в области теории и практики музейного дела.

1. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны рэсурс] : 20 ліп. 2016 г., № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп.

Беларусь 30 чэрв. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. *Ананьев, В. Г.* Зарубежная музеология: интеллектуальные парадигмы и институциональные структуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / В. Г. Ананьев ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2019. – 46 с.

3. *Ананьев, В. Г.* П. П. Вейнер и проблема охраны памятников в дискуссиях 1917 г. / В. Г. Ананьев // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2016. – № 405. – С. 50–56.

4. *Ананьев, В. Г.* Теоретическое осмысление наследия в современной зарубежной историографии: «Авторизованный дискурс наследия» Лораджин Смит / В. Г. Ананьев // Ученые записки Казан. ун-та, 2014. – Т. 156, кн. 3. – С. 232–239.

5. *Вавилонская, Т. В.* Развитие терминологии в сфере охраны культурного наследия / Т. В. Вавилонская // Приволж. науч. журнал. – 2009. – № 3. – С. 88–91.

6. *Душкина, Н. О.* ИКОМОС и отечественная практика сохранения культурного наследия [Электронный ресурс] / Н. О. Душкина // Обсерватория культуры. – 2005. – № 6. – Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/ЖОК/2005/06/2005-06_jok-16.pdf. – Дата доступа: 05.11.2018.

7. *Каган, М. С.* Музей в системе культуры / М. С. Каган // Вопросы искусствознания. – 1994. – № 4. – С. 445–460.

8. Ключевые понятия музеологии : пер. с фр. / сост. А. Девалье, Ф. Мересс. – М. : ИКОМ России, 2012. – 101 с.

9. *Куклинова, И. А.* Национальное наследие и памятник: к истории понятий во французской культуре конца XVIII в. / И. А. Куклинова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 15–21.

10. *Маринич, А. А.* Об исторической эволюции терминологии в сфере культурного наследия / А. А. Маринич // Известия Лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 122–130.

11. *Мартыненко, И. Э.* Правовой статус, охрана и восстановление историко-культурного наследия : моногр. / И. Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 343 с.

12. *Шухободский, А. Б.* Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности [Электронный ресурс] / А. Б. Шухободский. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/pamyatnik-istorii-i-kultury-kak-spetsificheskii-vid-kulturnoy-tsennosti>. – Дата доступа: 15.10.2018.

S. Shparlo

Historical and cultural heritage: evolution of definition and content

Changes of ideas about cultural heritage that occur under the influence of the museological knowledge development are analyzed. The axiological essence of the concept of "historical and cultural heritage", as well as the stages of evolution of such definitions as "a monument – a monument of antiquity – a monument of history and culture – a historical and cultural heritage" are considered.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 08.02.2019.